
Н. И. ГУБАНОВ

НИЩЕТА ФИЛОСОФИИ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Постмодернизм как философское течение возник во Франции в начале 70-х гг. XX в. Он представляет собой в целом интеллектуальный заказ неолиберализма – современной буржуазии и рынка, стремящихся в окультуренной, ненасильственной форме осуществлять тотальный контроль над человеком.

Постмодернизм противопоставляет себя модернизму, который начинается примерно с середины XVII в. от Ф. Бэкона и Р. Декарта и охватывает Новое и Новейшее время. Философии модернизма присущи следующие основные особенности: 1) вера в мощь человеческого разума и в то, что бытие упорядочено законами, познаваемо и укладывается в систему категорий; 2) признание науки и научного знания как средства решения социальных проблем и улучшения жизни людей; 3) освобождение философии и науки от иррациональности – мифологии, предрассудков, вымыслов, псевдонаучности; 4) утверждение идеи прогресса в познании и в различных сферах общественной жизни; 5) провозглашение универсальных норм морали и права, которые должны привести к торжеству свободы, равенства, справедливости и гуманизма.

Практически все фундаментальные философские категории постмодернистами так или иначе пересматриваются, подвергаются сомнению и часто отбрасываются как якобы потерявшие смысл. Такие классические понятия, как объективность, реальность, истина, красота, разум, общество, прогресс, противоречие, развитие и другие, объявляются постмодернистами фикциями. Поскольку для постмодернизма характерно «практически полное, последовательное и сознательное разрушение категориального аппарата философии»¹, то возникает настоятельная необходимость в глубоком критическом анализе этого течения.

¹ Постмодернизм // Словарь философских терминов. – М., 2004. – С. 433.

В соответствии с принципом плюрализма представители постмодернизма не рассматривают окружающий мир как единое целое, обладающее внутренней структурой. Мир у них хаотичен и распадается на множество фрагментов, между которыми отсутствуют устойчивые связи. Такой хаотически фрагментированный мир именуется в постмодернизме *Хаосмосом* – *нестабильным сочетанием хаоса, космоса и осмоса*. В Хаосмосе все явления равноправны, в нем все возможности равны, все – равнослучайно².

Постмодернистская философия отказывается от категории бытия, которая в прежней философии была одной из основных и характеризовала достоверный факт существования окружающего предметного мира. В постмодернизме прежнее бытие уступает место языку, точнее, даже его графическим знакам – тексту. Этому, по-видимому, способствовало то обстоятельство, что большинство постмодернистов имеют филологическое образование. В качестве единственной и предельной реальности у них выступает текст. «Наш мир – наш язык» – таким может быть девиз постмодернизма. В обосновании своих положений постмодернисты исходят из мысли Ф. Ницше о том, что язык – это не просто описание мира, а и его создание, а также из формулы М. Хайдеггера «язык – дом бытия». Постмодернисты полагают, что *существует только то, что названо и написано*. Связь языковых знаков и обозначенных предметов (денотатов), по их мнению, не обязательна. Поэтому настоящая действительность – это знаки, составляющие тексты.

Постмодернисты отказываются от классической референциальной концепции знака, согласно которой знаку в предметном мире соответствует денотат, а в сознании субъекта – смысл, или семантическое значение – образ денотата³. В своей концепции «пустого знака» постмодернисты отмечают, что каждый знак обладает якобы бесконечным числом значений и поэтому со знаком нельзя сопоставить никакой денотат. В связи с этим, по их мнению, предметный мир призрачен, а мир знаков-текстов – настоящий.

Способ рассмотрения текста, по мнению Ж. Деррида, так называемая деконструкция – что-то наподобие сочетания деструкции и

² Делез, Ж. Различие и повторение. – СПб., 1998. – С. 358.

³ Подробнее об этой концепции см.: Губанов, Н. И. Чувственное отражение. – М., 1986. – Гл. II.

реконструкции, устранения одних смыслов и создания других⁴. В процессе деконструкции текст подлежит не познанию или пониманию, а свободным интерпретациям, число которых не ограничено. Безбрежный плюрализм интерпретаций означает, что не может быть истинной или ложной интерпретации. Отсюда постмодернисты заключают, что, во-первых, понятие истины – «реликтовый принцип» и подлежит упразднению, и, во-вторых, все дискурсы (речевые практики), в процессе которых создаются новые тексты, равноценны (наука и мифы, социальное прогнозирование и предсказания гадалок и т. п.). Продукт любого творчества (научного, художественного, нравственного), по их мнению, является не оригинальным произведением, проникающим в суть вещей, как считалось до этого, а просто конструкцией цитат. Истинность, полагают постмодернисты, не является характеристикой знания. В свое время М. Лютер убеждение в существовании истины и верность ей выразил следующим образом: «На том стою и не могу иначе». Постмодернист же в наше время мог бы сказать так: «Стою на этом, но могу на другом и вообще на чем угодно».

Если текст – единственная реальность, то нет проблемы соотношения субъекта и объекта познания. Между собой можно сопоставлять лишь тексты. В постмодернизме речь идет не об объективной реальности и ее отражении в сознании, а о текстах, которые имеют отношение только к другим текстам, которые в свою очередь... и так до бесконечности. Происходит языковая игра, игра «означающих», то есть знаков самих по себе, без значений⁵. Гносеологические категории объекта и субъекта постмодернистами упраздняются. Упразднение понятия субъекта как познавательного центра именуется постмодернистами децентрацией.

Важнейшим фактором становления постмодернизма послужило возрастание в обществе роли информации. В индустриальном обществе определяющую роль играло производство вещей. В постиндустриальном обществе производство вещей, естественно, сохраняет свое решающее значение, поскольку без них жизнь невоз-

⁴ См.: Деррида, Ж. *Позиции*. – Киев, 1996.

⁵ Ратников, В. П. *Постмодернизм: истоки, становление, сущность* // *Философия и общество*. – 2000. – № 4. – С. 130.

можно. Но само производство предметов потребления теперь во многом зависит от информации, разнообразных знаков, текстов (научных, политических, экономических, художественных, развлекательных и др.). Постмодернизм уловил все это, но дал извращенное решение информационно-знаковых проблем.

Во-первых, вопреки постмодернистам мир не есть только какая-то гигантская библиотека, хотя библиотеки в нем есть и они важны. Текст – это система графических знаков, используемых для опредмечивания информации (внешнего выражения субъектом), ее хранения и передачи от одних людей другим. Всякое расширение объема понятия «текст» за пределы совокупности графических знаков (в том числе и религиозное представление о природе как о книге, якобы созданной Богом и читаемой людьми) является необоснованным. Природные явления, вещи и существа, люди, машины, предметы быта и многое-многое другое к текстам не относятся.

Во-вторых, понятие знака только тогда имеет смысл, когда знак соотносится с денотатом. Когда мы говорим, что это знак, то подразумеваем, что это «знак чего-то». Понятие постмодернистов «пустой знак» – нонсенс, бессмыслица, выражение, подобное выражению «мать, не имевшая детей».

В-третьих, знак характеризуется некоторым семантическим значением – смыслом. Участники коммуникаций знают этот смысл. Этим обусловлена принципиальная возможность понимания людьми друг друга при общении. Смысл знаков может быть нечетким, недостаточно определенным, противоречивым, расплывчатым, даже туманным (в зависимости от степени проработанности и зрелости знаковой системы). Поэтому у разных субъектов возможны различия в толковании, интерпретации знаков. Но в этих различных интерпретациях будет иметься определенный инвариант, то есть общее содержание. Это-то общезначимое содержание и есть объективное, истинное знание. Сказанное нами постоянно подтверждает практика людей. Если бы знаки и составленные из них тексты не имели определенного значения, то жизнь людей была бы полностью дезорганизована, точнее, она была бы просто невозможной. Например, представим себе, что было бы в армии или государственном аппарате управления, если бы солдаты и чиновники

не знали смысла распоряжений и подвергали бы их «свободным интерпретациям», число которых бесконечно; или, скажем, что бы «создали» работники автомобильного или авиационного завода, если бы подвергали «свободным интерпретациям» чертежи и другие технологические документы.

Изложенное показывает, что основной метод постмодернистов – не придуманная ими деконструкция, а метафизика в гегелевском смысле в сочетании с софистикой. Они оторвали знаки, во-первых, от предметного мира и, во-вторых, от субъекта с его системой смыслов. Далее, они абсолютизировали многозначность текстов и их относительную самостоятельность от автора, когда тексты как бы начинают жить своей собственной жизнью. Крайним выражением их взглядов послужили концепции «смерти автора» и «смерти субъекта», согласно которым тексты сами создаются и сами интерпретируются. Здесь опять же ими не учтен тот простой факт, что когда тексты живут своей собственной жизнью, то они живут не сами по себе, а с помощью других людей, интерпретирующих, критикующих и перерабатывающих их. Заметить одно и не заметить другое в сложных познавательных и социальных процессах и на этом построить концепцию – постоянный софистический прием постмодернистов. Ради истины следует заметить, что они, по-видимому, сами почувствовали всю нелепость концепции «смерти субъекта» и затем выдвинули положение о «воскрешении субъекта». К сожалению, многие молодые неискушенные читатели, уверовав благодаря рекламе в модность постмодернистских взглядов, не замечают необоснованности и даже нелепости основных положений этой философии.

Постмодернизм, как показывает И. А. Гобозов, привлекателен для многих людей, недовольных жизнью, но не имеющих возможностей, знаний или способностей изменить ее. Таких людей привлекает псевдодемократичность постмодернизма. Они пришли к выводу, что постмодернистская философия полностью отвечает их чаяниям. Им кажется, что постмодернизм подводит философскую базу под политику различия и обосновывает уважение, толерантность к другим культурам и образам жизни. С точки зрения постмодернистов, все духовные ценности относительны и равноценны. Скажем, картины Ван Гога ничуть не лучше картин уличного жи-

вописца или стихи гениального Пушкина ничуть не лучше стихов посредственного поэта. Эти псевдомысли привлекают многие слои общества и, прежде всего, маргинальные группы, которые потеряли веру в идеалы равенства и справедливости. Они находят в постмодернизме благодатную почву, потому что он отвлекает их от реальных проблем и основное внимание уделяет не рациональному объяснению существующих трудностей жизни, а упражнению ума и анализу различных текстов⁶. Что же касается многообразия культур, то в признании этого факта постмодернисты, конечно, правы. Правы они и в том, что необходимо уважение к другим культурам и взаимная толерантность. Но они не правы в отрицании иерархии духовных ценностей. А такая иерархия есть, это как бы вертикаль культуры, «в которой не все элементы равнозначны, где есть “высокое” и “низкое”, а главное – есть вектор, направленный к высшему. Но если “вертикаль” опрокинута и превращена в “горизонталь”, развитие прекращается и культура мумифицируется»⁷.

Функция философии и науки, заключающаяся в познании бытия, постмодернистами отвергается. Так, виднейший американский постмодернист Р. Рорти, которого называют возмутителем спокойствия в академической философии США, в книге «Философия и Зеркало природы» пишет, что цель его книги – «подорвать доверие читателя к уму как к чему-то такому, по поводу чего нужно иметь философское мнение, к познанию как к чему-то такому, о чем должна быть теория и что имеет обоснование, а также к философии, как она воспринималась со времен Канта»⁸. Задача философии, по Рорти, не поиск истины, а разговор и коммуникация. Он пишет: «Видеть в поддержании разговора самодостаточную цель философии и усматривать смысл мудрости в способности его поддержания – значит видеть в человеческих существах генераторов новых описаний, нежели людей, от которых следует ждать точные описания»⁹. Философия, на взгляд Рорти, должна переориентиро-

⁶ См.: Гобозов, И. А. Очень своевременная книга // Философия и общество. – 2003. – № 1. – С. 172.

⁷ См.: Новые информационные технологии и судьбы рациональности в современной культуре (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2003. – № 12. – С. 29.

⁸ Рорти, Р. Философия и Зеркало природы. – Новосибирск, 1997. – С. 5.

⁹ Там же. – С. 28.

ваться с познания истины на разговор и общение; новая философия должна основываться не на объективности, а на иронии.

Рорти, критикуя неопозитивизм и постпозитивизм, считает, что мечта аналитических философов о научности построена на вере в возможность *обоснования истинности знания*. Такую веру он называет фундаментализмом и видит свою задачу в его опровержении. Рорти отмечает, что провал стратегии верификации неопозитивистов не был частной неудачей одной из частных теорий; он свидетельствует о невозможности обоснования истинности знания вообще, то есть любого знания и любыми методами. По мнению Рорти, вся платоновско-декартовско-кантовская традиция опиралась на миф – веру в существование Истины.

Рорти «ставит диагноз»: философия поражена наследственной болезнью европейской традиции – гносеологизмом, то есть верой в объективность и истинность знания. Он предлагает и «терапию»: отказ приписывать понятиям «философское знание» и «научное знание» какую-либо объективность. И чем же должны стать «излечившиеся» философия и наука? Они, по мнению Рорти и других постмодернистов, должны стать *языковыми играми*, или упражнениями в дискурсе (построении речи).

Постмодернисты не хотят признавать логическую доказательность и эмпирическую (практическую) подтверждаемость в качестве критериев истинности знания, хотя наука на протяжении всей своей истории этому следует¹⁰. И в этом отношении позиция постмодернистов является псевдосовременной, поскольку повторяет давно пройденный философией этап древнегреческих скептиков, считавших, что критерий истины не существует.

Поскольку в постмодернизме и философия, и наука – языковые игры, то их функция – развлечение или, в лучшем случае, самовыражение индивида. По отношению к Рорти и другим постмодернистам законно возникают такие, например, вопросы: в чем же практическая значимость знания, лишённого объективности? Как могут современные сложнейшие промышленные и военные технологии основываться на знании, которое ничему не соответствует? Однако

¹⁰ См. подробнее: Царегородцев, Г. И., Шингаров, Г. Х., Губанов, Н. И. Философия. – М., 2003. – Гл. 12.

постмодернисты не отвечают на подобные вопросы, и их не смущает абсурдность следствий из их положений.

Классическая философия при всем многообразии подходов к личности опирается на признание ее идентичности – тождественности ее самой себе в разных условиях. Личность понимается как устойчивая система, в состав которой входят интересы, идеалы, способности, темперамент, характер и другие качества. Предполагается, что в разных обстоятельствах и с возрастом эти качества личности относительно устойчивы, в результате чего личность сохраняет свою идентичность.

В постмодернизме организующим принципом жизни человека становится принцип трансформации, преобразования себя, конформизма. Одной из самых популярных игрушек детей конца XX в. стал трансформер. С точки зрения постмодернистов, человек тоже есть своеобразный трансформер: он не имеет устойчивой основы. Его жизнь представляет собой калейдоскоп образов, набор играемых им ролей, им же самим и созданных. Возникает «феномен Протея»¹¹. Играя разные роли, надевая многообразные маски, человек удваивается, утраивается, становится множественным, и в таком состоянии он перестает быть самим собой: личность распадается. Человек в постмодернизме бесконечно плюрален, и бесконечная множественность его позиций не способна стать устойчивым единством. Современный человек, с точки зрения постмодернистов, есть «все» и в то же время «ничто»: он может надеть любую маску, но когда он снимает последнюю из них, то за ней ничего нет. Такой «полый» человек имеет только одно проявление – игру и движение образов и ролей. Современная эпоха, по мысли постмодернистов, есть эпоха конформизма и компромисса.

В современном обществе в условиях отчуждения людей друг от друга и от общества на самом деле имеет место тенденция к утрате личностью своей идентичности. Об этом говорили многие философы и до постмодернистов. Но последние абсолютизировали эту тенденцию, изобразив человека лишенным всякой основы. В действительности же люди, несмотря на негативную тенденцию, обла-

¹¹ Скородумова, О. Б. Виртуальная личность и свобода // Вестник МГУ. Серия 7, Философия. – 2004. – № 2. – С. 90.

дают устойчивыми личностными качествами, хотя и в разной степени; они не зависят полностью от ситуаций и исполняемых ролей, способны они и противодействовать обстоятельствам вплоть до совершения подвигов. Недаром во всех странах определенное количество людей заслуженно получают высшие государственные награды.

Классическое представление об истории общества состоит в том, что она есть закономерный процесс смены эпох. В различных концепциях главным фактором истории признавались мировой разум, развитие материального производства, идеи людей, их воля. При всех различиях в трактовке истории большинство мыслителей полагали, что, во-первых, имеется единая мировая история, и, во-вторых, общество развивается в целом прогрессивно. Постмодернизм отказывается и от идеи существования всемирной истории, и от идеи прогресса. В результате установок на текстуализацию и хаотизацию мира произошел отказ от понятия «общество», и последнее было заменено понятием «пространство социального текста». История, по мнению постмодернистов, это рассказ («нарратив», по их терминологии), притом сколько «рассказчиков» (историков, авторов романов, социологов, политологов и др.), столько и историй, а всеобщей объективной истории нет.

Вместо идеи социального прогресса постмодернисты выдвинули идею «конца истории». Они отвергают деление истории на прошлое, настоящее и будущее. Настоящее они понимают не как следствие прошлого и предвосхищение будущего, а как единственно данное, которое ни с чем нельзя сравнить. Это настоящее представляет собой бессистемную совокупность событий, фактов, изобретений, игр, ролей, спектаклей, дискурсов и др.; история – не «кинофильм», а серия «моментальных снимков» в силу ее «радикальной прерывности». Проектирование и целеполагание, по мысли постмодернистов, не имеют смысла: в эпоху постмодерна происходит «атрофия целей».

Постмодернисты правы, конечно, в том, что в данный момент существует лишь настоящее, но они не хотят признавать, во-первых, системность общества и, во-вторых, что настоящее закономерно возникло из прошлого и столь же закономерно породит

будущее. Не хотят они признать и возможность сравнения состояний общества в разное время, что лежит в основе идеи прогресса или регресса. Мы уже отмечали, что вопреки постмодернистам мир не есть гигантский текст. История тоже не является «нарративом» и не конструируется «рассказчиком» или «скриптором» (пишущим), а представляет собой объективный процесс развития общества, который с разной адекватностью и разными способами воспроизводится, отражается в исторических исследованиях, романах, художественных фильмах и других формах. Изменения, происходящие в различных сферах социума, имеют либо прогрессивный, либо регрессивный характер. В целом же для общества характерно прогрессивное развитие.

Итак, в философии постмодерна не существует какая-либо объективная основа, ибо нет истины – той точки зрения, которая могла бы служить основанием для адекватного мировоззрения. *Отсутствие опорных пунктов и устойчивых принципов познания, размытость границ между субъектом и объектом познания, социокультурная обособленность, историческая относительность и неопределенность любого знания – все это и характеризует «ситуацию постмодернизма» в современной культуре вообще и философии в частности.* В «состоянии постмодерна» человек оказался лишенным каких-либо философских, научных, религиозных или нравственных опор и устоев и остался один на один с миром, в котором безраздельно властвует гераклитовское «panta rei»¹². Все, что до постмодернизма считалось устоявшимся, надежным и определенным: человек, разум, философия, культура, наука, прогресс – все было объявлено несостоятельным и неопределенным, все превратилось в слова, рассуждения, игры и тексты, которые можно интерпретировать и «деконструировать», но на которые нельзя опереться в человеческом познании, существовании и деятельности.

В «Новейшем философском словаре» отмечается, что «в философии постмодернизма шлифуются понятийные средства, необходимые для адекватного описания втягивающихся в сферу познания современной культуры неравновесных самоорганизующихся си-

¹² Ратников, В. П. Постмодернизм: истоки, становление, сущность // Философия и общество. – 2000. – № 4. – С. 128.

стем... наибольшей мерой конкретности в этом контексте обладают такие постмодернистские концепты, как “письмо” и “текст”¹³. Но совсем непонятно, как может постмодернизм адекватно описывать какие-либо системы, если он вообще отвергает понятие системы и структуры, считая все образования в мире бессистемными, бесструктурными и недетерминированными? И что нового для понимания систем может дать понятие «текст» в его нормальном, а не фантастическом значении? Авторы указанного словаря об этом не говорят.

Известные физики А. Сокал и Ж. Брикмон выпустили специальную книгу «Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна» (М., 2002). В ней поставлены две задачи: 1) подвергнуть критике постмодернистов Делеза, Деррида, Кристеву и других за их безграмотное использование научных идей, за их злоупотребление научными данными для подтверждения своих тезисов; 2) подвергнуть критике постмодернистский абсолютный гносеологический релятивизм, согласно которому нет никакой разницы между мифом и наукой, между научными данными и вымыслом. К чести авторов книги, они успешно решили обе задачи и показали, что эрудиция постмодернистов ложная, что они не знают современное естествознание, что научные термины они используют без всякой логики и учета их значения, в результате чего их интерпретации научных данных представляют собой сочетание бессмыслицы (где используются синергетические термины) и банальности (где речь идет об обычных вещах).

И еще немного об упомянутом «Новейшем философском словаре». Примерно 60–70 % его текста – а общий объем словаря составляет 80 печатных листов – посвящено постмодернизму, хотя издатели определяют его цель как «неангажированное» освещение всей мировой философии, прошлой и настоящей. Почти в каждой его статье после описания истории вопроса говорится, что современный подход заключается в том, что... и далее описывается позиция постмодернизма. Притом постмодернизм описывается без какой бы то ни было критики, несмотря на всю его противоречивость и безосновательность, а материализму, к примеру, в этом

¹³ Можейко, М. А. Постмодернизм // Новейший философский словарь. – 2-е изд. – Минск, 2001. – С. 780.

словаре без должного обоснования дается уничижительная характеристика¹⁴. При использовании данного словаря у читателей может сформироваться мнение, что, во-первых, постмодернизм – это вершина мировой философской мысли и, во-вторых, что никаких других заслуживающих внимания философских учений в настоящее время нет. Ни первое, ни второе не верно. Следует решительно возразить против явного или неявного отождествления понятий «современная философия» и «постмодернистская философия». Своим анализом постмодернизма я хочу хотя бы в какой-то мере дезавуировать неадекватную позицию «Новейшего философского словаря» в отношении этого философского течения и тем самым не допустить дезориентации читателей в современной философии.

Постмодернизм, несомненно, не является магистральным направлением современной философии, а представляет собой одну из ее побочных нисходящих ветвей. Постмодернисты много сделали для того, чтобы освободить мышление от упрощенных схем, застывших стереотипов, отживших мифологем, ограниченности позитивистской картины мира. Но в силу присущего им нигилизма они не обогатили философию новыми конструктивными концепциями. Л. А. Микешина, сетуя на то, что ее коллеги-профессора не видят ничего положительного в постмодернизме, отмечает, что в нем «целый ряд важнейших идей, которые, по сути дела, могут существенно обновить наше мышление»¹⁵. На мой взгляд, новых конструктивных идей постмодернизм не породил.

Значение постмодернизма состоит в том, что в наше время он привлек внимание к изучению проблем функционирования определенных форм знания (текстов), нестабильности жизни, многовариантного характера развития, многообразия форм бытия и плюрализма культуры. Отмеченные темы и ранее обсуждались в философии. Например, тезис о разнообразии бытия был провозглашен еще Аристотелем, разрабатывался Гегелем в положении о многообразном воплощении абсолютной идеи, философами-материалистами в виде принципа неисчерпаемости материи. Идея нестабильности в виде положения о случайности как форме проявления необходимо-

¹⁴ Новейший философский словарь. – 2-е изд. – Минск, 2001. – С. 320, 606.

¹⁵ Философия в современной культуре: новые перспективы (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2004. – № 4. – С. 26–27.

сти разрабатывалась и в идеалистической, и в материалистической диалектике, так же как и мысль о наличии в любой действительности множества возможностей, обуславливающего не однозначный, а ветвящийся, многовариантный характер развития. Отчуждение человека от культуры и возможность утраты им своей идентичности исследовались Марксом и философами-экзистенциалистами. Таким образом, постмодернизм не открывал эти проблемы, но подверг их особо детальному рассмотрению. Однако он предложил неадекватное решение этих проблем и тем самым вызвал у некоторых философов изрядную растерянность и неуверенность в разуме.

Главное значение постмодернизма состоит в том, что предложенный им провокационный образ философии и всей духовной культуры побуждает философов-рационалистов производить более глубокое обоснование своих положений, искать контраргументы, осваивать новые проблемные поля, порождаемые обществом. Отказ же от рационализма недопустим. Только он может противостоять усложняющимся проблемам жизни и растущему абсурду. Рационалистическая философия – величайшая культурная ценность. Не философия рационализма виновата в том, что мы переживаем глубочайший кризис, а современные общественные отношения. Совершенно прав главный оппонент постмодернизма на Западе немецкий философ Ю. Хабермас в том, что «модерн – незавершенный проект». Он является незавершенным в двух отношениях: во-первых, сама рационалистическая философия имеет возможности для дальнейшего роста; во-вторых, идеи рационализма не были реализованы в социальной практике. Поэтому задача нынешних философов заключается в том, чтобы защитить эту философию, поднять рационализм на более высокий уровень, исследовать рационалистическими средствами современные реалии, наметить пути преодоления социального кризиса и перехода к качественно новому типу общества.

Почему постмодернизм получил широкое распространение и высокую популярность? А. В. Бузгалин обосновывает положение о том, что постмодернизм представляет собой ответ на социальный «заказ» неолиберализма – современной буржуазии и рынка¹⁶.

¹⁶ Бузгалин, А. В. Постмодернизм устарел... (Закат неолиберализма чреват угрозой «протоимперии») // Вопросы философии. – 2004. – № 2. – С. 3.

Рынок конца XX в. стал мощной тоталитарной системой, всесторонне влияющей на человека. Но он влияет не как бюрократическая машина прежних тоталитарных режимов, а как многообразное и внешне почти незаметное поле. Это влияние осуществляется через ассортимент навязываемых рекламой и стандартами престижности товаров, образовательных и медицинских услуг, форм отдыха и развлечений, через систематическую изошренную пропаганду соответствующих ценностей и стиля жизни, через манипулирование общественным мнением во время избирательных и военных кампаний, через варьирование оплаты соответствующих видов деятельности. Для хозяев рынка постмодернистская философия и следующая из нее методология являются очень выгодными. Они формируют человека полностью лояльного, послушного существующей экономической и политической системе.

В условиях тотальной власти рынка непредвзято мыслящий человек может довольно легко обнаружить господство экономических корпораций, где создается видимость свободы и демократии. Постмодернизм, отрицая системность вообще и системность общества в частности, не признавая возможности создания объективной концепции общества и жизни, как раз и лишает человека возможности непредвзято мыслить и иметь целостный взгляд на общественные отношения. Даже саму постановку проблемы возможности изменения общественных отношений, их совершенствования методолог постмодернизма отрицает в силу того, что не видит в них системы, которая способна воздействовать на индивида. Этот методолог может замечать лишь многообразные внешние проявления системы подавления человека без их объединения и понимания их сущности. Это служит причиной отрицания в постмодернизме *«принципиальной возможности, а не только необходимости системного воздействия на окружающую... действительность»*¹⁷ с целью ее улучшения. Постмодернистский индивид не способен к подлинно свободной деятельности как основанной на знании закономерностей бытия, способности выбора линии поведения и достижения цели. В то же время постмодернизм дает его представителям внутреннее удовлетворение, формируя у них иллюзию сво-

¹⁷ Бузгалин, А. В. Указ. соч. – С. 6.

боды как возможности выбора дискурсов, языковых игр, исполняемых ролей, коммуникаций, интерпретаций.

XXI в. характеризуется двумя наиболее важными процессами: 1) превращением транснациональных экономических корпораций, нарушающих свободную конкуренцию, в силу, сравнимую с силой государств; 2) появлением на мировой арене сверхгосударства; этот «старший брат» (по известному выражению Оруэлла) способен на неконтролируемые международным сообществом действия по подчинению других стран. Возможно, что если отмеченные негативные тенденции будут продолжаться, то возникнет ультраимпериализм, произойдет закат неолиберализма, а вместе с ним и постмодернизма. На смену последнему может прийти жесткая, рассчитанная на массы и невысокий уровень культуры, вульгарно-апологетическая концепция, которая будет выражать и защищать интересы тех экономических и геополитических сил, которые сегодня приобретают все большую и большую власть в мире. Тогда уже главным оппонентом научной философии станет не постмодернизм, а эта новая апологетическая концепция.